

Владимир Александрович МИТИН

АЛЬПИЙСКАЯ БАЛЛАДА

Пьеса о любви и надежде

Моим родным посвящается

ОТ АВТОРА

Это рассказ о человеческих судьбах. О том, что какими бы ни были страдания и испытания, выпавшие на долю человека, он может всё преодолеть, если в нём живёт Любовь. О том, что, пока мы помним наших близких, пока в наших сердцах горит огонёк надежды, мы остаёмся людьми.

Мария, многодетная мать, потеряла на войне отца, мужа и трёх своих братьев.

Отец умер от каторжных работ, на которые его гоняли немцы, муж пропал без вести в июле 1942 г. под Сталинградом, младшего брата задавил немецкий грузовик, средний брат убежал на фронт и погиб при обороне Ростова, а старший из братьев... Старший из братьев Марии, Николай, родившийся с ней в один год – год революции, 1917, был лётчиком.

Он – гордость семьи, красавец, младший лейтенант, окончил Ейское училище лётчиков и получил назначение в морскую авиацию, в Крым.

Там, на аэродроме Сарабуз, перед войной базировался 40-й бомбардировочный авиационный полк Черноморского флота. Николай служил пилотом скоростного бомбардировщика – СБ, в 5-й эскадрилье под командованием капитана Александра Пеховича Шурцумия. Здесь и застала его война.

Николай храбро сражался с врагом, совершил немало боевых вылетов на бомбёжку вражеских позиций, разведывательные полёты. Был ранен и из-за этого не смог принять участие в знаменитой операции по бомбёжке нефтеперерабатывающих заводов в Плоешти, Румыния.

Враг рвался к Одессе. 7 октября, в период относительно затишья, когда уже шла эвакуация города, Николай и его стрелок-бомбардир Владимир Савченко получили приказ вы-

полнить разведывательный полёт в районе линии фронта под Одессой.

Бомбардировщик Николая – Пе-2, «пешка», как его любя называли пилоты, часто использовался как разведчик. 5-я эскадрилья первой в полку получила эти новые машины, и Николай сумел освоить «пешку» в кратчайшие сроки. (Об этом в своих воспоминаниях писали ветераны полка).

Этот полёт стал для друзей-комсомольцев последним. По свидетельству очевидцев, бомбардировщик Николая был сбит зенитной артиллерией противника, загорелся и упал в море...

А через некоторое время в дверь к Марии постучался почтальон и принёс похоронку.

Но почему-то сердце отказывалось верить, что Коли больше нет... Почему-то не могла она поверить в ужасную весть, что-то подсказывало ей, что Николай жив...

И она продолжала ждать и надеяться, верить в чудо.

После войны Мария долго искала Николая. Писала письма командованию полка, однополчанам. И вот однажды тёплым кубанским вечером к ней в дом постучался незнакомец...

Он не представился. Посмотрел на Марию... чему-то усмехнулся, словно вспоминая и сравнивая, посмотрел на небо и закурил. А потом стал говорить. Мария слушала его, затаив дыхание, и только слёзы текли по её щекам и капали на сложенные на коленях, натруженные, в узелках вен от тяжёлой работы женские руки.

А он говорил и смотрел на эту русскую женщину – женщину, потерявшую и отца, и мужа, и братьев, пережившую оккупацию с тремя голодными детьми на руках, не сломенную ни горем, ни работой, сохранившую в себе и любовь, и женственность.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

МАРИЯ.
 НИКОЛАЙ КУПЧЕНКО, ПИЛОТ.
 ВЛАДИМИР САВЧЕНКО, СТРЕЛОК-БОМБАРДИР.
 НЕЗНАКОМЕЦ.
 МАЙОР АЛЕКСАНДР ЦУРЦУМИЯ, КОМАНДИР 5-Й ВОЕННОЙ ЭСКАДРИЛЬИ
 40-ГО БОМБАРДИРОВОЧНОГО АВИАЦИОННОГО ПОЛКА ЧЕРНОМОРСКОГО ФЛОТА.
 ЖАННЕТ, ФРАНЦУЗСКАЯ ДЕВУШКА.
 ХОЗЯИН ШАЛЕ.
 ЖЕНА ХОЗЯИНА ШАЛЕ.
 НАЧАЛЬНИК ШТАБА.

ПРОЛОГ

На сцене Мария. Она стоит в окружении трёх девочек 8–10 лет. Начинает петь акапельно песню «То не ветер ветку клонит». На экране «пробегают» текст «От автора», раскрывающий основную сюжетную линию. После песни на сцену выходит Незнакомец.

РАССКАЗ НЕЗНАКОМЦА

Я лётчик. Истребитель. Меня сбили в начале войны. Попал в плен. Советских лётчиков немцы держали в специальных лагерях, я попал в конце концов в один из таких лагерей недалеко от границы с Францией. Там я познакомился и подружился с лётчиком, его звали Николай. Он попал в плен после того, как его сбили зенитки, и он посадил горящий самолёт на воду. Его и второго члена экипажа из воды выловили румыны. Они были без сознания и не смогли оказать сопротивления. Так часто бывает... Встретились мы с ним в лагере. Он много о себе не рассказывал. Назвался вымышленным именем. Уже позже, когда стал мне доверять, сказал, что его зовут Николай и он родом из вашего города. Не буду рассказывать, что нам пришлось пережить в плену. В лагере он познакомился с французской девушкой, её имя было Жаннет. Женский блок был рядом, за рядами колочей проволоки. Жаннет была маки – так себя называли французские партизаны, участники Сопротивления. Они полюбили друг друга. Мы с Николаем готовили побег. Когда фронт был уже близко, нам троим удалось бежать. Здесь наши дороги разошлись. Я считал, что нужно идти на северо-восток. А Николай с Жаннет решили идти через Альпы в Швейцарию, на юг. Дело в том, что все дороги на север и восток были перекрыты немецкими патрулями. Николай опасался, что мы можем снова попасть в плен. Чтобы сохранить жизнь и любовь – а если придётся, то вместе встретить смерть, у них оставался один-единственный шанс – путь через заснеженные Альпы. Я отговаривал его. В горах холодно, у них не было тёплой одежды, еды... Но он был непреклонен. Он правильно рассчитал, что мне одному будет больше шансов добраться до своих. Я не хотел их оставлять, говорил, что их план – безумие. Всё тщетно. Мы расстались. Я ещё долго смотрел вдаль двум удаляющимся фигурам, пока они не скрылись в тумане. Перед тем как мы расстались, Николай попросил меня запомнить адрес. Ваш адрес. Я обещал ему, что если выживу, то обязательно разыщу вас и расскажу, как всё было. Он просил у вас прощения и говорил, что вы сможете его понять, потому что в вас живёт любовь. Я вижу, что он был прав. Прощайте, Мария. Будьте счастливы...

ПЕРВОЕ ДЕЙСТВИЕ

Декорации: Аэродром Октябрьское. Июль 1941 г. Расположение 5-й военной эскадрильи 40-го бомбардировочного авиационного полка Черноморского флота. Возле самолёта Пе-2, пилотируемого младшим лейтенантом Николаем Купченко и стрелком младшим лейтенантом Владимиром Савченко.

НИКОЛАЙ. Не взяли нас в дело. Комэска упёрся. Совсем, как баран. Говорил же – здоров. А он в медсанчасть убедиться попёрся. А там расписали... лететь не готов!

ВЛАДИМИР. В итоге и я «безлошадным» остался.

НИКОЛАЙ. Просился, наверно, в другой экипаж?

ВЛАДИМИР. Прощупывал почву...

НИКОЛАЙ. И как? (Заинтересованно привстает на локте.)

ВЛАДИМИР. (машет рукой). Отказался От этой затеи. Не тот я типаж.

НИКОЛАЙ. Да ладно, не тот... Прямо ангел небесный! Ты лучше признайся – послали тебя...

ВЛАДИМИР. Какой же ты, Коля, дурак, если честно! (Вскакивает.) Ведь ты же загнёшься один, без меня!

НИКОЛАЙ. С тобой, бомбардир, мы с училища вместе.
(Поглаживает забинтованную руку.)
Рука заживает... почти не болит.

ВЛАДИМИР. Да ладно, не ной... Мы с тобой в Бухаресте
Разгрузимся скоро. Плоешти горит...

НИКОЛАЙ. Горит хорошо! Два завода разбито
Конкретно накрыли румын нефтебазу.

ВЛАДИМИР. А как заходили-то! Нагло, открыто,
Опомнились фрицы, похоже, не сразу.

НИКОЛАЙ. Они наших «пешек», поди, не видали...
Решили – свои. И на то был расчёт.
Ребята, наверно, получают медали.
Живым – ордена, а погибшим – почёт.

ВЛАДИМИР. Один экипаж не вернулся обратно.
Когда отходили, их сбили в пути.
Над морем сгорели они, вероятно...
Живыми, пожалуй, ребят не найти.

НИКОЛАЙ. И всё же мы двух завалили злодеев!
Филатов тогда отличился, Иван.
И снайпер воздушный, сержант Алексеев
За сбитый накатит в столовке сто грамм.

Появляется майор Цурцумия, командир 5-й эскадрильи. Нарочито грозно обращается к друзьям.

ЦУРЦУМИЯ. Так... кто собирается вечером выпить?
А ну, признавайтесь, степные орлы!

Купченко и Савченко вскакивают и замирают по стойке смирно, поправляя амуницию.

ВЛАДИМИР. Сейчас за курение точно нам всыплет!
Товариш комэска... так... это не мы!

НИКОЛАЙ. Нам повода нет напиться, вот только
От горя, пожалуй, что сиднем сидим.
Ведь мы авиаторы! Лёжа на койке
Врага не разбить. Мы в полёты хотим!

ЦУРЦУМИЯ. Ты, Коля, хороший такой генашвале!
Послушать тебя – так хоть завтра в полёт!
А то, что клешню по частям собирали,
В расчёт почему-то совсем не берёт!

Зачем мне в бою однорукый калека?!
Ты лётчик отличный, я знаю, поверь.
Но всё ж пилотировать полчеловека
Не может машину. Всё! Баста! Теперь

Война – не прогулка весной по бульвару.
И, если ты будешь чуть-чуть не готов,

Погубишь себя, и машину на пару.
И что будем делать, стодохлых китов?!

Короче. Лечись. Изучай свою «пешку».
Пусть рана скорей заживёт на руке.
Задумка одна есть... Отставить усмешку!
Хочу научиться бомбить из пике.

Красиво летаем, машины – картинки!
А ведь пикировщик точнейший в руках!
А долбим мы немца, увы, по старинке.
И точность бомбёжки порой просто «швах»...

«Лаптёжники» видели, что учинили?
Построились в круг, с диким воем сирен
Соседей «поляну» в труху разбомбили!
Казарму, ангары... ни окон, ни стен.

И каждую бомбу прицельно втыкали.
Неважно, что общий тоннаж небольшой.
А мы с высоты наши бомбы бросали.
Но, правда, попали. Я чую душой,

Что нужно учиться бомбить по науке,
И всё из машины своей выжимать.
И в темечко прямо коричневой суке
С крутого пике наш привет доставлять.

Научимся – сразу почувствуют фрицы,
Что в море они не в своём, а в чужом.
Загоним их «баржи» в стоянок границы,
А тех, кто рискнёт проскочить, – как ножом,

Кинжалом мы сверху разрежем на части!
И каждую бомбу – под шкуру врагу.

ВЛАДИМИР. Скажи, командир, а твоей хватит власти,
Чтоб начали эту работу в полку?

НИКОЛАЙ. Вот я, например, хоть сегодня к штурвалу!
Полётная карта – всегда в сапоге!
Над целью зашёл, завалился помалу,
Включил тормоза и уходишь в пике!

ЦУРЦУМИЯ. Эх, Коля, зелёный ещё ты, горячий!
А как выходить после сброса, ответь?
А если осколками бомб расхреначит
На выходе твой самолёт, – это смерть!

НИКОЛАЙ. Писать, командир, наставление надо.
Иначе нам дорого выйдет учёба.
За эту работу вам будет награда –
Спасённые жизни. И память до гроба!

ЦУРЦУМИЯ. Сегодня под вечер – ко мне на квартиру.
Подумаем, как наставленья писать.

А если откажетесь – как командиру
Мне можно вас будет слегка наказать.

Во-первых, курили вы у самолёта.
Потом нарушение формы одежды.
Могу отстранить вас на день от полётов.
Со сдачей экзамена! Ясно, невежды?

И спорить со мной бесполезно, уймись!
Матчасть изучайте. Учитесь. Лечитесь.

Цурцумия уходит.

ВЛАДИМИР. Вот это задвинул... придётся идти.
Попался бы ночью он мне на пути.

НИКОЛАЙ. Я знаю, где мысли о тактике новой
Настигли его. Не скажи никому!
В сортире, который стоит за столовой,
«Осколками бомб» зацепило «корму»!

Видать, слишком близко был к точке обстрела.
Нужник-то давно офицерский стоит.
С такими зарядами... ясное дело,
Бомбить с осторожностью не повредит!

Дружно хохочут...

НИКОЛАЙ. Да ладно, пойдём. Дело нужное это.

ВЛАДИМИР *(показывает на небо)*. Скорей на КП! Общий
сбор, вон ракета!

*На экране – видеоклип, звучит песня В. Высоцкого «Мы взлетали
как утки...».*

ВТОРОЕ ДЕЙСТВИЕ

*Октябрь 1941 г. КП полка. Присутствуют Начальник штаба полка,
Николай Купченко и Владимир Савченко.*

НАЧАЛЬНИК ШТАБА. Сейчас под Одессой враги напирают.
Весь город в огне, всё в дыму от пожара.
Войска для атаки они собирают,
Нам нужно понять направление удара.

Приказ – вылетайте туда на разведку.
Квадрат 28 и всё, что южнее.
Ищите, где танки стоят. На заметку:
Зенитки у них, где район поважнее.

И если стреляют по вам, потерпите,
Раз бьют – вы на верном идёте пути.
Где танки они собирают, ищите.
«Коробочки» гансов нам нужно найти.

Одессу врагу мы, увы, оставляем.
Приказ поступил, и в ночную пору
Уже корабли в Севастополь гоняем.
Вывозим мы раненых и детвору.

Вдвоём полетите. Машина готова.
Вопросы? Надеюсь увидеть вас снова...

*Видеовставка. Летящий Пе-2 под огнём зениток. За кадром голоса
Купченко и Савченко.*

ВЛАДИМИР. Коля, зенитки! Разрывы повсюду!
Ты видел их танки?! Стоят вдоль «железки»!

НИКОЛАЙ. Сейчас в облака пробиваться я буду...
Радируй на базу про танки! Не мешкай!
Эх... нам бы до моря с тобой дотянуть!

ВЛАДИМИР. Горим, командир! А до моря – чуть-чуть!

НИКОЛАЙ. На воду садиться придётся, кажись!

ВЛАДИМИР. Живым я не дамся...

НИКОЛАЙ. Сажаю... Держись!

Звуки удара самолёта о воду, скрежет, грохот, тишина...

ТРЕТЬЕ ДЕЙСТВИЕ

*Концлагерь DULAG 202 Budesti. Барак. На нарах лежат Николай
Купченко и Незнакомец.*

НИКОЛАЙ. У каждого правда, как видно, своя.
Я вижу, ты наш. Фронтовик. Не иуда.
И чем-то ты даже похож на меня.
Тебе расскажу, как зовут и откуда.

Я лётчик. С Кубани. Там папа и мама,
Там братья с сестрой и племяшки мои.
На «пешке» летал. Но, увы, очень мало.
Был сбит под Одессой в начале войны.

Как факел горели и в море упали.
Свои посчитали, что нас больше нет.
Румыны меня из водички достали,
Я был без сознания, вот и ответ,

Как в плен я попал, почему застрелиться
Не смог, как Володя, стрелок-бомбардир.
Очнулся в плену. Был уверен, что смыться
Сумею. Читал «Монте-Кристо» до дыр...

Да только жизнь круче, чем книжка Дюма.
Она порой пишет такие сюжеты...
Попытка была, и притом не одна.
Эх, зря я послушал «бывалых» советы!

Побег нам сорвал в прошлый раз провокатор.
Нас ждали эсэсовцы. Били жестоко.
Как выжил, не знаю. Но я – авиатор,
Здоровье хорошее. Око – за око,

Потом придушили мы гада в бараке.
Расстрелян был немцами каждый десятый.
Опять повезло мне не стинуть во мраке.
Сбегу. Ненавижу я лагерь проклятый!

НЕЗНАКОМЕЦ. Достало хлебать этих гадов баланду!
Достало работать на немцев в плену!
Давай соберём из проверенных банду
И вместе рванём и искупим вину!

А если опять суждено быть провалу,
Хотя б одного перед смертью убить!

НИКОЛАЙ. А я бы хотел вновь вернуться к штурвалу
И с неба фашистскую гадину бить!

НЕЗНАКОМЕЦ. Я слышал, по лагерю слухи ходили,
Что всех офицеров на запад везут.
На фронте им наши, похоже, вломили.
Ну что же, попробуем врезать им тут!

ГОЛОС
ОХРАННИКА. «Ахтунг! Выходить строиться! Шнель, шнель!»

ЧЕТВЁРТОЕ ДЕЙСТВИЕ

Концлагерь на границе с Францией. Николай Купченко и Незнакомец.

НИКОЛАЙ. Ты видел, дружище, в 17-м блоке,
Где женщин собрали со всех уголков,
Девчонку-француженку? Взгляд с поволокой,
Улыбка открытая... Спорить готов,
Что нет красивее её в целом мире!
Вчера на работах мы рядом прошли.
Она мне махнула!

НЕЗНАКОМЕЦ. Держи карман шире!
Не только тебе.

НИКОЛАЙ. Я прошу, не пошли!
Ты это от зависти. Слушай, как сложно
В этом аду оставаться собой,
Чувствовать, жить. И любить – осторожно,
Зная, что Смерть подружилась с Судьбой.

НЕЗНАКОМЕЦ. Как густок кровавый, спрессовано время.
Концентрационным недаром зовут
Наш лагерь смертельный. Тяжёлое бремя
Легло на людей, что содержатся тут.

НИКОЛАЙ. Живя с осознанием того, что, быть может,
Ты сполохи видел последней зари,
Одна только мысль твоё сердце тревожит:
До донца прожить окаянные дни.

НЕЗНАКОМЕЦ. Никто, никогда не сумеет заставить
Нас, русских, забыть те места, что нам милы.
Где Родина – та, что пришлось нам оставить,
Где наши родные дома и могилы.

Заложена в нас от природы, как видно,
Любовь к ненаглядной своей стороне.
По Родине плакать для русских не стыдно,
Позор хуже смерти – предать на войне.

НИКОЛАЙ. Я думал: ЧТО помогает в застенках,
Людьми оставаться, чей взгляд ещё пылок.
И понял, что даже стоя на коленях,
Когда парабеллум уткнулся в затылок,

Когда у последней черты замирая,
Мы дом вспоминаем и мамыны руки,
И образ любимой. Уже умирая,
Уже принимая последние муки,

Вся жизнь, словно миг, пролетит киноплёнкой.
С самого детства, что впитано в кровь.
Можно убить и жену, и ребёнка,
Но невозможно убить их любовь.

НЕЗНАКОМЕЦ. Нам помогает любовь наших близких.
Тех, что погибли, и тех, кто живёт.
Прихвостней тшетны поуги фашистских,
Ненависть эту любовь не убьёт!

НИКОЛАЙ. Как же ужасно, что девочка эта,
Этот цветочек прекрасный такой,
Чей милый лик – вдохновенье поэта,
Встретилась в лагере смерти со мной.

Я полюбил её с первого взгляда.
С первого взгляда её милых глаз.
Счастья другого мне в жизни не надо,
Только б увидеть её ещё раз!

Только бы имя узнать моей милой,
Только бы к сердцу разочек прижать!

НЕЗНАКОМЕЦ. Счастье своё забирать нужно силой.
Выкрасть у гадов её и бежать!

НИКОЛАЙ. Пока на дороги не выпало снега,
Будем готовить с тобой план побега!

Занавес. На первый план сцены выходит Незнакомец. Читает стихотворение «Я ещё вернусь к тебе, Россия» Г.Ф. Столярова.

Я вернусь ещё к тебе, Россия,
 Чтоб услышать шум твоих лесов,
 Чтоб увидеть реки голубые,
 Чтоб идти тропой моих отцов.
 Не был я давно в густых дубравах
 И не плыл по глади русских рек,
 Не сидел под дубом величавым
 С синеокой – другом юных лет.
 Но я каждый день и миг с тобою,
 И лишь дрёма веки мне смежит,
 Я иду с подругой дороною
 Тропкой, что у озера лежит...
 Я как сын люблю тебя, Россия,
 Я люблю тебя ещё сильней, –
 Милые просторы голубые
 И безбрежность всех твоих морей!
 Я вернусь ещё к тебе, Россия,
 Чтоб услышать шум твоих лесов,
 Чтоб увидеть реки голубые,
 Чтоб идти тропой моих отцов.

ПЯТОЕ ДЕЙСТВИЕ

Колючая проволока на столбах у блока 17. По разные стороны коридора из проволоки – Жаннет и Николай Купченко. Ночь, светят фонари на вышках. Фоном, очень тихо звучит музыкальная тема «Вечная любовь».

НИКОЛАЙ. Здравствуй, родная! Нас боль повенчала...
 Как по-французски-то «здравствуй»... Бон жур!

ЖАННЕТ. Bonjour, Nicholas! Comme il est en russe*...
 скьячала.

НИКОЛАЙ. Я тоже скучал по тебе, mon amour!**

Я для тебя приготовил подарок,
 Большого я подарить бы не смог.
 Может, убогий, не пахнет, не яркок...
 Пусть самодельный, но всё же – цветок!
 Стебель железный, бутончик – брезент...
 Это тебе, моя Жанна, present!

Перебрасывает цветок через проволоку, Жаннет его ловит, целует и прижимает к груди.

Этот цветок ты в барак унеси.
 Будет твоим талисманом!

ЖАННЕТ. Merci!

НИКОЛАЙ. Ты понимаешь немного по-русски...
 Мы собираемся скоро бежать.
 Ты приготовься. Подкоп очень узкий,
 Нам с другом ещё дня четыре копать.

Когда наконец-то всё будет готово,
 Я дам тебе знать. Мы увидимся снова.
 Быть мне невестой, скажи, ты согласна?

ЖАННЕТ. Bien sur***, Nikolai, tu es mon fiancé ****!

НИКОЛАЙ. Пора... Не хочю уходить, моя радость,
 Я умоляю – себя береги!
 И никому не рассказывай, надо,
 Чтобы о нас не узнали враги.

Да что это я... партизанка – маки,
 Сама понимаешь, ты смелая, Жанна!
 Хоть бы коснуться любимой руки,
 Той, что люблю, что близка и желанна!

Николай и Жаннет протягивают друг другу руки через колючую проволоку. Проектор высвечивает только руки влюблённых, которым удаётся каким-то невероятным образом дотянуться друг до друга. На экране – тень от рук крупным планом, которые нежно прикасаются, переплетаются пальцами. Звучит «Вечная любовь» на французском языке, Ш. Азнавур и М. Матье. Ладони разжимаются и медленно расходятся в стороны. Гаснет свет.

ШЕСТОЕ ДЕЙСТВИЕ

Николай, Жаннет и Незнакомец идут по горной дороге в предгорье Альп. Побег был успешным, и пришло время принятия решения, куда идти дальше. Впереди горят огни шале.

НЕЗНАКОМЕЦ. Смотрите! Смотрите! Огни у дороги!
 Надеюсь, немецких там нет патрулей.
 Быть может, удастся погреться немного
 И хлебом разжиться у добрых людей.

НИКОЛАЙ. Не знаю, какой здесь приём нам устроят
 И будут ли рады они беглецам.
 Накормят ли нас или просто прогонят.
 Немало есть шансов попасть к подлецам.

ЖАННЕТ. Я очень замёрзла... Холодные ночи,
 Нет тёплой одежды... Нам нужен ночлег.
 Надеюсь, хозяин нас сдать не захочет.
 Мы сутки не спали, едим только снег...

НЕЗНАКОМЕЦ. Ну что же, права наша Жанна д'Арк!
 Свободу несёшь ты в родные пенаты!
 Что Гитлеру крышка – поймёт и дурак.
 Не выдадут нас. Побоятся расплаты.

ЖАННЕТ. Не все согласились с победой нацистов!
 Немало погибло за нашу свободу.
 Но много предателей, мерзких «вишистов»,
 Стреляли по русским – фашистам в угоду.

Продав свою родину, Францию нашу,
Пошли воевать на Восток за врага.
Их тысячи были. Кровавую кашу
Они намесили в российских снегах.

Но всё же сражались с фашизмом французы.
Под знаменем шли генерала де Голля!
И с русскими братьями сбросили узы,
И ждёт нас Победа, и Слава, и Воля!

Начинает петь «Non je ne regrette rien», на экране видеохроника французских сил, противостоящих Германии, нарезка эпизодов с «Нормандией-Неман», вход освободителей в Париж. Звучит песня Эдит Пиаф «Non je ne regrette rien». (Можно использовать хронику из кинофильма «17 мгновений весны», 8-я серия).

СЕДЬМОЕ ДЕЙСТВИЕ

Франция. Шале у перевала, ведущего в Швейцарию. Хозяин, хозяйка и беглецы.

ХОЗЯИН ШАЛЕ. Ну что ж, проходите. Согрейтесь с дороги.
Сюда вот садитесь, поближе к огню.

ЖЕНА ХОЗЯИНА. Прошу вас, протрите на коврике ноги.
Пожалуй, пойду приготовлю фондю.
Мы бедно живём. Все запасы пропали.
Поэтому мяса не ели давно.
А как вы на эту дорогу попали?
Молчите... Ну ладно. Хотите вино?

ЖАННЕТ. Спасибо за то, что вы нас приютили.
Откуда идём, смысла нет нам скрывать.
По нашей одежде понятно, кем были.
Из лагеря смерти смогли мы сбежать.

ХОЗЯИН ШАЛЕ. А что же молчат ваши спутники? Немы?
Представьте скорей их нам, мадемуазель.
Мы – мирные граждане. Ваши проблемы
Пришли вместе с вами и в мой дом теперь.

ЖЕНА ХОЗЯИНА. Ведь если в гестапо об этом узнают,
Посадят в тюрьму. Изобьют. Расстреляют!!!
О Дева Мария! За что нам, скажите,
Такая судьба! Обогрелись? Идите!
(Указывает на дверь.)

ЖАННЕТ. Так что же, вы нас выгоняете? Ладно.
Живите пока в этом доме своём.
Но я обещаю – вернувшись обратно,
Сполна рассчитаться за тёплый приём!
Пойдёмте, друзья. Нам тут явно не рады.

ХОЗЯИН ШАЛЕ. Пойдите. Одежду я вам принесу.

ЖАННЕТ. Ну что же, несите. Размеры награды
За вашу заботу я в память внесу.

Хозяин шале уходит за одеждой и, оказавшись наедине с женой, начинает с ней советоваться.

ХОЗЯИН ШАЛЕ. Ступай, принеси им ненужные вещи.
Дай сыра немного, лепёшек, вино.
Приснился мне сон, и похоже, что вещей:
Три птицы стучались к нам ночью в окно.

ЖЕНА ХОЗЯИНА. А если узнают об этом в гестапо?
Они их поймают и дом наш сожгут.
Пойдём мы с тобой, муженек, по этапу.
Овчарки уже по их следу идут!

ХОЗЯИН ШАЛЕ. Ну что ты заладила, стонет и стонет!
Полицию даром кормил я с руки?!
Гораздо опасней, как немцев прогонят,
Платить по счетам партизанам – маки!

ЖЕНА ХОЗЯИНА. Мы этих бандитов всегда избегали.
Клошары с винтовками, пьянь и отродье!

ХОЗЯИН ШАЛЕ. Напрасно их силой пренебрегали –
Последнее время бьют немцев по морде.

ЖЕНА ХОЗЯИНА. Так что же нам делать, меж двух мы огней...

ХОЗЯИН ШАЛЕ. Скорее меж молотом и наковальней!
Короча: пора отправлять нам «друзей»,
Надеюсь, что сгинут дорогою дальней.
А если внезапно нагрянет погоня,
То – милости просим, не первый ведь раз.
Донос подготовим на беглых сегодня,
И спрячем подальше от вражеских глаз.

Когда же маки принесёт чёрт к порогу,
Прикинемся верными долгу борцами.
Одели и дали еды на дорогу –
Вон, сыр на троих, и мешок с огурцами.
(Мерзко хихикает.)

ЖЕНА ХОЗЯИНА. Какой же ты умный, мой муж-муженёк!

ХОЗЯИН ШАЛЕ. Я знаю. Тяжёлый сегодня денёк...

ЖЕНА ХОЗЯИНА. Пойдём отнесём им одежду и обувь.
Отдам, что не жалко, – пусть помнят заботу.
(Входит в помещение, где греются беглецы.)
Меняйте свою арестантскую робу
На эти обноски. А ну, за работу!

Снимайте, снимайте скорей эту гадость!
(Брезгливо отталкивает одежду ногой.)
Вот это, пожалуй, для вас подойдет.
(Обращается к Жаннет.)

Тебе по размеру пальто, моя радость?
Я в детстве носила. Не давит, не жмёт?
(Давится от смеха.)

ЖАННЕТ. Нет, всё по размеру. Удобно. Мерси...

ЖЕНА ХОЗЯИНА. Ну, вот и отлично. Не мёрзни, носи!

ХОЗЯИН ШАЛЕ. Быстрее одевайтесь. Боюсь я погони.
Возьмите провизию. Вам пригодится.
(Говорит в сторону жены, шёпотом.)
Тошнит уже просто от лагерной вони...
Придётся с уборкой тебе повозиться.

ЖАННЕТ. Спасибо за всё. Мы уходим. Прощайте.

ЖЕНА ХОЗЯИНА. Вещички оставьте, нам не возвращайте.

Беглецы покидают шале.

ВОСЬМОЕ ДЕЙСТВИЕ

Сцена прощания Незнакомца с Николаем и Жаннет. На экране перевал в горах. Идёт снег.

НИКОЛАЙ. Ну вот, здесь должны мы с тобою расстаться.
Тебе на восток, нам южнее с Жаннет.
Тебе одному больше шансов добраться,
А с нами, втроём, – их фактически нет.

ЖАННЕТ. Повсюду сейчас патрули на дорогах.
Мы будем обузой. А ты прошмыгнёшь.
Старайся скрываться в оврагах, отрогах.
В лесу партизан непременно найдёшь.

НЕЗНАКОМЕЦ. А может быть, всё-таки вместе, ребята?
Ведь как-то сюда мы сумели пройти!

НИКОЛАЙ. Нет, даже не думай. В родные пенаты
Ты должен добраться. Удачи в пути!

А мы через Альпы пробьёмся к нейтралам.
Граница швейцарская недалеко.
Пойдём потихоньку с Жаннет перевалом.
Хоть будет в горах нам идти нелегко.

Прорвёмся! Обвал, камнепады, лавины
И пропасти мы обойдём. Вуаля...
В сенах, что при входе у жирной скотины
Верёвку для нас позаимствовал я!

ЖАННЕТ. Не думай, иди. Ты ведь нас не бросаешь!
Ты должен прийти и о нас рассказать
Марии, сестре Николая. Ты ведь знаешь,
Как больно надеяться, верить и ждать!

НИКОЛАЙ. Прошу: разыщи мою милую Мусю.
Ещё раз мне адрес её назови...
Скажи, что бежать на Восток я не струсил.
Что нас сберегла её сила любви.

Пусть брата простит, что не смог я вернуться.
Родителям пусть всё расскажет потом.
Как много бы дал я, чтоб к ним прикоснуться,
Войти в наш уютный родительский дом!

Но я полюбил, я нашёл своё счастье
В застенках, где смерть свою жатву вела.
Я должен спасти, пронести сквозь ненастье
Тот лучик надежды, любви и тепла,

Что мне подарила любимая Жанна,
Не выжить бы мне без любимой моей.
Она мне как воздух нужна и желанна,
Я с ней проведу сколько выпадет дней.

Какие в горах ожидают нас вести,
Полдня нам осталось, а может, полвека.
Отныне с любимой всегда будем вместе.
Теперь мы один, а не два человека.

НЕЗНАКОМЕЦ. Прощайте. Обнимемся мы на дорожку...

НИКОЛАЙ. Да. Долгие провода – лишние слёзы.

НЕЗНАКОМЕЦ. Храни же всегда ты свою неотрогу!

НИКОЛАЙ. За нас обними ты в России берёзы,
За нас припади к родникам ты звенящим,
У Бога прощенья за нас попроси!
Спасибо, что другом мне был настоящим.

НЕЗНАКОМЕЦ. Храни тебя Бог!

ЖАННЕТ. Soyez prudent! Merci!*****

Николай с Жаннет уходят, взявшись за руки, в глубину сцены. На экране – постепенно удаляющаяся пара, уходящая по перевалу в горы. Идёт снег. Звучит музыкальная тема «Вечная любовь»...

ФИНАЛ

На сцене Мария, Николай, Жаннет, Незнамец, Савченко и все участники спектакля. Акапельно исполняется финальная песня из мюзикла «Юнона и Авось» «Ты меня на рассвете разбудишь» (слова А. Вознесенского, музыка А. Рыбникова).

* Comme il est en russe... (фр.) – Как это по-русски...

** mon amour (фр.) – моя любовь.

*** Bien sur (фр.) – Конечно.

**** tu es mon fiancé (фр.) – ты мой жених.

***** Soyez prudent! Merci! (фр.) – Будь осторожен! Спасибо!